

12
II

МАКСИМКА.

Разсказъ изъ прошлой морской жизни.

Н. Станюковича.

ЦѢНА 7 КОП.

ВЪ СКА
Трех-Лазарь, фин. м. м. в. шестой 1901

II
78

Издание Вятскаго Губернскаго Земства.

МАКСИМКА.

Разсказъ изъ прошлой морской жизни.

Н. Станюковича.

ВЯТКА.

Типо-Литографія М. М. Маишевой.

1901.

В

АЖИОНАМ

Дозволено цензурою. Г. Москва. 4 августа 1901 года.

МАКСИМКА.

Разсказъ изъ прошлой морской жизни.

Посвящается Тусику.

I

Только что пробилъ колоколъ. Было шесть часовъ прелестнаго тропическаго утра на Атлантическомъ океанѣ.

По бирюзовому небосклону, бесконечно-высокому и прозрачно-нѣжному, мѣстами подернутому, словно бѣлоснѣжнымъ кружевомъ, маленькими неристыми облачками, быстро поднимается золотистый шаръ солнца, жгучій и ослѣпительный, заливая радостнымъ блескомъ водяную холмистую поверхность океана. Голубыя рамки далекаго горизонта ограничиваютъ его безпредѣльную даль.

Какъ-то торжественно безмолвно кругомъ.

Только могучія свѣтло-синія волны, сверкая на сояницѣ своими серебристыми верхушками и нагоняя одна другую, плавно переливаются съ тѣмъ ласковымъ, почти нѣжнымъ ропотомъ, который точно нашептываетъ, что въ этихъ широтахъ подъ тропиками, вѣковѣчный старикъ-океанъ всегда находится въ добромъ расположеніи духа.

Бережно, словно заботливый нѣжный пѣстунъ, несетъ онъ на своей исполинской груди плывущіе корабли, не угрожая морякамъ бурями и ураганами.

Пусто вокругъ!

Не видно сегодня ни одного бѣлѣющагося паруса, не видно ни одного дымка на горизонтѣ. Большая океанская дорога широка.

Изрѣдка блеснетъ на солнцѣ серебристою чешуйкой летучая рыбка, покажетъ черную спинку играющій китъ и шумно выпуститъ фонтанъ воды, высоко прорѣветъ въ воздухѣ темный фрегатъ или бѣлоснѣжный альбатросъ, пронесется надъ водой маленькая сѣрая петрель, направляясь къ далекимъ берегамъ Африки или Америки, и снова пусто. Снова рокочущій океанъ, солнце да небо свѣтлые, ласковые, нѣжные.

Слегка покачиваясь на океанской зыби, русскій военный паровой клиперъ *) „Забіяка“ быстро идетъ къ югу, удаляясь все дальше и дальше отъ сѣвера, мрачнаго, угрюмаго и все-таки близкаго и дорогого сѣвера.

Небольшой, весь черный, стройный и красивый, со своими тремя, чуть-чуть подавшимися назадъ высокими мечтами, сверху до низу покрытыми парусами, „Забіяка“ съ попутнымъ и ровнымъ, вѣчно дующимъ въ одномъ и томъ же направленіи сѣверо-восточнымъ пассатомъ, бѣжитъ себѣ миль по семи, восьми въ часъ, слегка накренившись своимъ подвѣтреннымъ бортомъ.

*) Трехмачтовое судно небольшой величины.

Легко и граціозно поднімається „Забіяка“ съ волни на волну, съ тихимъ шумомъ розсѣкаетъ ихъ своимъ острымъ водорѣзомъ, вокругъ котораго пѣнится вода и разсынается алмазною пылью. Волны ласково лижутъ бока клипера. За кормой *) стелется широкая серебрястая лента.

На палубѣ и внизу идетъ обычная утрення чистка и уборка клипера къ подъему флага, то есть къ восьми часамъ утра, когда на военномъ суднѣ начинается день.

Разсыпавшись по палубѣ въ своихъ бѣлыхъ рабочихъ рубахахъ съ широкими откидными синими воротами, открывающими жилистыя, загорѣлыя шеи, матросы босые, съ засученными до колѣнъ штанами, моютъ, скребутъ и чистятъ палубу, борты, пушки и мѣдь, словомъ, убираютъ „Забіяку“ съ тою щепетильною внимательностью, какою отличаются моряки при уборкѣ своего судна, гдѣ всюду, отъ верхушекъ мачтъ до трюма **), должна быть умопомрачающая чистота и гдѣ все, доступное кирпичу, суконкѣ и бѣлиламъ, должно блестѣть и сверкать.

Матросы усердно работали и весело посмѣивались, когда „горластый“ боцманъ ***) Матвѣичъ, старый служака съ типичнымъ боцманскимъ лицомъ стараго времени—краснымъ и отъ загара, и отъ береговыхъ кутежей—съ выкаченными сърыми глазами, „чумѣя“, какъ говорили матросы,

*) Корма—задняя часть судна.

**) Трюмъ—нижняя часть судна.

***) Боцманъ—старшій унтеръ-офицеръ.

во время „убирки“, — выпаливалъ какую-нибудь ужъ очень затѣйливую ругательную импровизацію, поражающую даже и привычное ухо русскаго матроса. Дѣлалъ Матвѣичъ это не столько для поощренія, сколько, какъ онъ выражался, „для порядка“.

Никто за это не сердился на Матвѣича. Всѣ знаютъ, что Матвѣичъ добрый и справедливый человѣкъ, кляузъ не заводитъ и не злоупотребляетъ своимъ положеніемъ. Всѣ давно привыкли къ тому, что онъ не могъ произнести трехъ словъ безъ ругани, и порой восхищаются его безконечными варіаціями. Въ этомъ отношеніи онъ былъ виртуозъ.

Время отъ времени матросы бѣгали на бакъ *), къ кадкѣ съ водой и къ ящику, гдѣ тлѣлъ фитиль, чтобы наскоро выкурить трубочку острой махорки и перекинуться словомъ. Затѣмъ снова принимались чистить и оттирать мѣдь, наводить глянецъ на пушки и мыть борты и особенно старательно, когда приближалась высокая, худошавая фигура старшаго офицера, съ ранняго утра носившаяся по всему клиперу, заглядывая то туда, со сюда.

Вахтенный офицеръ, молодой блондинъ, стоявшій вахту **) съ четырехъ до восьми часовъ, уже давно разогналъ дрему перваго получаса вахты. Весь въ бѣломъ, съ растегнутою ночною сорочкой, онъ ходитъ взадъ и впередъ по мости-

*) Бакъ — передняя часть судна.

**) Вахта — дежурство, во время котораго вахтенный или дежурный офицеръ долженъ находиться наверху безотлучно.

ку *), вдыхая полной грудью свѣжій воздухъ утра, еще не накаленный жгучимъ солнцемъ. Нѣжный вѣтеръ пріятно ласкаетъ затылокъ молодого лейтенанта, когда онъ останавливается, чтобъ взглянуть на компасъ—по румбу ли правятъ рулевые, или на паруса—хорошо ли они стоятъ, или на горизонтъ—нѣтъ ли гдѣ шквалистаго облачка.

Но все хорошо, и лейтенанту почти нечего дѣлать на вахтѣ въ благодатныхъ тропикахъ.

И онъ снова ходитъ взадъ и впередъ и слишкомъ рано мечтаетъ о томъ времени, когда вахта кончится, и онъ выпьетъ стаканъ, другой чая со свѣжими горячими булками, которые такъ мастерски печетъ офицерскій кокъ **), если только водку, которую онъ требуетъ для поднятія тѣста, не вольетъ въ себя.

II.

Вдругъ по палубѣ пронесся неестественно-громкій и тревожный окрикъ часового, который, сидя на носу судна, смотрѣлъ впередъ.

— Человѣкъ въ морѣ!

Матросы кинули мгновенно работы и, удивленные и взволнованные, бросились на бакъ и устремили глаза на океанъ.

— Гдѣ онъ, гдѣ?—спрашивали со всѣхъ сторонъ часового, молодого бѣлобрысаго матроса, лицо котораго вдругъ побѣлѣло какъ полотно.

*) Мостикъ—возвышенная площадка на суднѣ между задней и средней мачтой.

**) Кокъ—поварь.

— Вотъ,—указывалъ дрогнувшей рукой матросъ... Теперь скрылся. А я сейчасъ видѣлъ, братцы... На мачтѣ держался... привязанъ что ли, —возбужденно говорилъ матросъ, напрасно стараясь отыскать глазами человѣка, котораго только что видѣлъ.

Вахтенный лейтенантъ вздрогнулъ отъ крика часового и впился глазами въ бинокль, наводя его въ пространство передъ клиперомъ.

Сигнальщикъ *) смотрѣлъ туда же въ подзорную трубу.

— Видишь?—спросилъ молодой лейтенантъ...

— Вижу, ваше благородіе... Лѣвѣе извольте взять...

Но въ это мгновеніе и офицеръ увидѣлъ среди волнъ обломокъ мачты и на ней человѣческую фигуру.

И взвизгивающимъ дрожащимъ голосомъ, торопливымъ и нервнымъ, онъ крикнулъ во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ:

— Свистать всѣхъ наверхъ! Гротъ и фокъ **) на гитовы! Барказъ ***) къ спуску!

И, обращаясь къ сигнальщику, возбужденно прибавилъ:

— Не теряй изъ глазъ человѣка!

— Пошелъ всѣ наверхъ!—рявкнулъ сипловатымъ баскомъ боцманъ, послѣ свистка въ дудку.

*) Сигнальщикъ—матросъ, поднимающій сигнальные флаги. Онъ же во время вахты обязанъ смотрѣть вокругъ.

**) Нижніе самые большіе паруса на гротъ (средней) мачтѣ и фокъ (передней) мачтѣ.

***) Барказъ—самая большая шлюпка.

Словно бѣшеные, матросы бросились къ своимъ мѣстамъ.

Капитанъ и старшій офицеръ уже вбѣгали на мостикъ. Полусонные, заспанные офицеры, надѣвая на ходу кителя, поднимались по трапу на палубу.

Старшій офицеръ принялъ команду, какъ всегда бываетъ при авралѣ *), и какъ только раздались его громкія, отрывистыя командныя слова, матросы стали исполнять ихъ съ какою-то лихорадочною порывистостью. Все въ ихъ рукахъ точно горѣло. Каждый словно бы понималъ, какъ дорога каждая секунда.

Не прошло и семи минутъ, какъ почти всѣ паруса за исключеніемъ двухъ, трехъ, были убраны, „Забіяка“ лежалъ въ дрейфѣ **), недвижно покачиваясь среди океана, и барказъ съ шестнадцатью гребцами и офицеромъ у руля спущенъ былъ на воду.

— Съ Богомъ!—крикнулъ съ мостика капитанъ на отвалившій отъ борта барказъ.

Гребцы наваливались изо всѣхъ силъ, торопясь спасти человѣка.

Но въ эти семь минутъ, пока остановился клиперъ, онъ успѣлъ пройти больше мили, и обломка мачты съ человѣкомъ не видно было и въ бинокль.

*) Авраломъ называются работы на кораблѣ, требующія присутствія всей команды.

**) „Лечь въ дрейфъ“, значитъ поставить судно въ неподвижное состояніе, благодаря извѣстному положенію относительно вѣтра нѣсколькихъ парусовъ.

По компасу замѣтили все-таки направленіе, въ которомъ находилась мачта, и по этому направленію выгребаль барказъ, удаляясь отъ клипера.

Глаза всѣхъ моряковъ „Забіяки“ провожали барказъ. Какою ничтожною скорлупкою казался онъ, то показываясь на гребняхъ большихъ океанскихъ волнъ, то скрываясь за ними.

Скоро онъ казался маленькою черною точкой.

III

На палубу царила тишина.

Только порой матросы, тѣснившіеся на ютѣ *) и на шканцахъ **), мѣнялись между собой отрывистыми замѣчаніями, произносимыми въ полголоса.

Должно, какой-нибудь матросикъ съ потопшаго корабля.

— Потопнуть кораблю здѣсь трудно. Развѣ вовсе плохое судно.

— Нѣтъ, видно, столкнулся съ какимъ другимъ ночью...

— А то и сгорѣлъ.

— И всего то одинъ человѣкъ остался, братцы!

— Можетъ, другіе на шлюпкахъ спасаются, а этого забыли...

*) Ютомъ называется часть палубы отъ задней бизань-мачты до кормы.

**) Шканцами называется часть палубы между гротъ-мачтою и бизань-мачтою,

— Живой ли онъ?

— Вода теплая. Можетъ и живой.

— И какъ это, братцы, акуль-рыба его не съѣла. Здѣсь этихъ самыхъ акулъ страсть!

— Дда, милые! Опаская эта флотская служба. Ахъ, какая опаская!—произнесъ, подавляя вздохъ, совсѣмъ молодой чернявый матросикъ съ серьгой, первогодокъ, прямо отъ сохи попавшій въ кругосвѣтное плаваніе.

И съ омраченнымъ грустью лицомъ, онъ снялъ шапку и медленно перекрестился, точно безмолвно моля Бога, чтобы Онъ сохранилъ его отъ ужасной смерти гдѣ-нибудь въ океанѣ.

Прошло три четверти часа общаго томительнаго ожиданія.

Наконецъ сигнальщикъ, не отрывавшій глаза отъ подозрной трубы, весело крикнулъ:

— Барказъ пошелъ назадъ!

Когда онъ сталъ приближаться, старшій офицеръ спросилъ сигнальщика:

— Есть на немъ спасенный?

— Не видать, ваше благородіе!—уже не такъ весело отвѣчалъ сигнальщикъ.

— Видно, не нашли!—проговорилъ старшій офицеръ, подходя къ капитану.

Командиръ „Забіяки“, низенькій, коренастый и крѣпкій брונетъ пожилыхъ лѣтъ, заросшій сильно волосами, покрывавшими мясистыя щеки и подбородокъ густою, черною, засѣдѣвшею щетиной, съ небольшими круглыми, какъ у ястреба, глазами, острыми и зоркими,—недовольно вздер-

нуль плечомъ и, видимо сдерживая раздраженіе, проговорилъ:

— Не думаю-съ. На барказъ исправный офицеръ и не вернулся бы такъ скоро, еслибъ не нашелъ человѣка-съ.

— Но его не видно на барказъ.

— Быть можетъ, внизу лежитъ, потому и не видно-съ... А прочемъ-съ, скоро узнаемъ.

И капитанъ заходилъ по мостику, то и дѣло останавливаясь, чтобы взглянуть на приближавшійся барказъ. Наконецъ онъ взглянулъ въ бинокль и хоть не видѣлъ спасеннаго, но по спокойно-веселому лицу офицера, сидѣвшаго на руль, рѣшилъ, что спасенный на барказъ.

И на сердитомъ „бульдोजьемъ“ лицѣ капитана засвѣтилась довольная улыбка.

Еще нѣсколько минутъ, и барказъ подошелъ къ борту и вмѣстѣ съ людьми былъ поднятъ на клиперъ.

Вслѣдъ за офицеромъ изъ барказа стали выходить гребцы, красные, вспотѣвшіе, съ трудомъ переводившіе дыханіе отъ усталости. Поддерживаемый однимъ изъ гребцовъ, на палубу вышелъ и спасенный—маленькій негръ, лѣтъ десяти, одиннадцати, весь мокрый, въ рваной рубашкѣ, прикрывавшей небольшую часть его худого, истощеннаго, чернаго, отливавшаго глянцемъ, тѣла.

Онъ едва стоялъ на ногахъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, глядя вваливавшимися большими глазами съ какою-то безумною радостью и въ то же

время недоумѣніемъ, словно не вѣря своему спасенію.

— Совсѣмъ полумертваго съ мачты сняли; едва привели въ чувство бѣднаго мальчишку, — докладывалъ капитану офицеръ, ѣздившій на барабѣ.

— Скорѣй его въ лазаретъ! — приказалъ капитанъ.

Мальчика тотчасъ же отнесли въ лазаретъ, вытерли насухо, уложили въ койку, покрыли одеялами, и докторъ началъ его отхаживать, вливая въ ротъ ему по нѣскольку капель коньяку.

Онъ жадно глоталъ влагу и умоляюще глядѣлъ на доктора, показывая на ротъ.

А на верху ставили паруса, и минутъ черезъ пять „Забіяка“ снова шелъ прежнимъ курсомъ, и матросы снова принялись за прерванные работы.

— Арапчонка спасли! — раздавались со всѣхъ сторонъ веселые матросскіе голоса.

— И какой же онъ щуплый, братцы!

Нѣкоторые бѣжали въ лазаретъ узнавать, что съ арапченкомъ.

— Докторъ отхаживаетъ. Не бойсь, выходить!

Черезъ часъ марсовой Коршуновъ принесъ извѣстіе, что арапчонокъ спитъ крѣпкимъ сномъ послѣ того, какъ докторъ далъ ему нѣсколько ложечекъ горячаго супа...

— Нарочно для арапченка, братцы, кокъ супъ варилъ, вовсе, значить, пустой, безо всего, такъ отваръ бытто, — съ оживленіемъ продолжалъ Коршуновъ, довольный и тѣмъ, что ему, извѣстному вралю, вѣрятъ въ данную минуту, и тѣмъ, что онъ на этотъ разъ не вретъ, и тѣмъ, что его слушаютъ.

И, словно бы желая воспользоваться такимъ исключительнымъ для него положеніемъ, онъ торопливо продолжаетъ:

— Фершалъ, братцы, сказывалъ, что этотъ самый арапчонокъ по своему что-то лопоталъ, когда его кормили, просилъ, значить, дайте больше, молъ, этого самого супу... И хотѣлъ даже вырвать у доктора чашку... Однако не допустили: значить, братъ, сразу нельзя... Помретъ, молъ.

— Что жъ арапчонокъ?

— Ничего, покорился...

Въ эту минуту къ кадкѣ съ водой подошелъ капитанскій вѣстовой Сойкинъ и закурилъ окурокъ капитанской сигары. Тотчасъ же общее вниманіе было обращено на вѣстового, и кто-то спросилъ:

— А не слышно, Сойкинъ, куда дѣнуть потомъ арапчонка?

Рыжеволосый, веснущатый, франтоватый, въ собственной тонкой матросской рубахѣ и въ парусинныхъ башмакахъ, Сойкинъ не безъ достоинства пыхнулъ дымкомъ сигары и авторитетнымъ тономъ человѣка, имѣющаго кое-какія свѣдѣнія, проговорилъ:

— Куда дѣтъ? Оставляютъ на Надежномъ мысу, когда, значить, придемъ туда.

„Надежнымъ мысомъ“ онъ называлъ мысъ Доброй Надежды.

И, помолчавъ съ важнымъ видомъ, не безъ пренебреженія прибавилъ:

— Да и что съ имъ дѣлать, съ черномазой нехристью? Вовсе даже дикіе люди.

— Дикіе не дикіе, а все Божья тварь...

Пожалѣтъ надо!—промолвилъ старый плотникъ Захарычъ.

Слова Захарыча видимо вызвали общее сочувствіе среди кучки курильщиковъ.

— А какъ же арапчонокъ оттелъ къ своему мѣсту вернется? Тоже и у его, поди, отецъ съ матерью есть!—замѣтилъ кто-то.

— На Надежномъ мысу всякихъ араповъ много. Небойсь, дознаются, откуда онъ,—отвѣтилъ Сойкинъ и, докуривъ окурокъ, вышелъ изъ круга.

— Тоже вѣстовщина. Полагаетъ о себѣ!—сердито пустилъ ему вслѣдъ старый плотникъ.

IV

На другой день мальчикъ негръ хотя и былъ очень слабъ, но настолько оправился послѣ нервнаго потрясенія, что докторъ, добродушный, пожилой толстякъ, радостно улыбаясь своею широкою улыбкой, потрепалъ ласково мальчика по щекамъ и далъ ему цѣлую чашку бульона, наблюдая съ какою жадностью глоталъ онъ жидкость и какъ потомъ благодарно взглянулъ своими большими черными, выпуклыми глазами, зрачки которыхъ блестѣли среди бѣлковъ.

Послѣ этого докторъ захотѣлъ узнать, какъ мальчикъ очутился въ океанѣ и сколько времени онъ голодалъ, но разговоръ съ пациентомъ оказался рѣшительно невозможнымъ, несмотря даже на выразительныя пантомимы доктора. Хотя маленькій негръ, повидимому, былъ сильнѣе док-

тора въ англійскомъ языкѣ, но такъ же какъ и почтенный докторъ безбожно коверкалъ нѣсколько десятковъ англійскихъ словъ, которыя были въ его распоряженіи.

Они другъ друга не понимали.

Тогда докторъ послалъ фельдшера за юнымъ мичманомъ, котораго всѣ въ каютъ-компаніи звали „Петенькой“.

— Вы, Петенька, отлично говорите по-англійски, поговорите-ка съ нимъ, а у меня что-то не выходитъ! — смѣясь, проговорилъ докторъ. — Да скажите ему, что дня черезъ три я его выпущу изъ лазарета! — прибавилъ докторъ.

Юный мичманъ, присѣвъ около койки, началъ свой допросъ, стараясь говорить короткія фразы тихо и раздѣльно, и маленькій негръ, видимо, понималъ если не все, о чемъ спрашивалъ мичманъ, то во всякомъ случаѣ кое-что, и спѣшилъ отвѣчать рядомъ словъ, не заботясь объ ихъ связи, но за то подкрѣпляя ихъ выразительными пантомимами.

Послѣ довольно продолжительнаго и труднаго разговора съ мальчикомъ-негромъ, мичманъ разсказалъ въ каютъ-компаніи болѣе или менѣе вѣрную въ общихъ чертахъ исторію мальчика, основанную на его отвѣтахъ и мимическихъ движеніяхъ.

Мальчикъ былъ на американскомъ бригѣ „Бетси“ и принадлежалъ капитану (большому мерзавцу, — вставилъ мичманъ), которому чистилъ платье, сапоги и подавалъ кофе съ коньякомъ или коньякъ съ кофе. Капитанъ звалъ слугу своего „боемъ“, *) и мальчикъ увѣренъ, что это его имя.

*) „Бой“ по-англійски — мальчикъ.

Отца и матери онъ не знаетъ. Капитанъ годъ тому назадъ купилъ маленькаго негра въ Мозамбикъ и каждый день билъ его. Бригъ шелъ изъ Сенегала въ Ріо съ грузомъ негровъ. Двѣ ночи тому назадъ бригъ сильно стукнуло другое судно (эту часть разсказа мичманъ основывалъ на томъ, что маленький негръ нѣсколько разъ проговорилъ: „кра, кра, кра“ и затѣмъ слабо стукнулъ своимъ кулачкомъ по стѣнкѣ лазаретной каютки), и бригъ пошелъ ко дну. Мальчикъ очутился въ водѣ, привязался къ обломку мачты и провелъ на ней почти двое сутокъ...

Но несравненно краснорѣчивѣе всякихъ словъ, если бы такія и могъ сказать мальчикъ о своей ужасной жизни, говорило и его удивленіе, что съ нимъ ласково обращаются, и забитый его видъ, и эти благодарные его взгляды загнанной собаченки, которыми онъ смотрѣлъ на доктора, фельдшера и на мичмана, и—главное—его, покрытая рубцами блестящая, черная, худая спина съ выдающимися ребрами.

Разсказъ мичмана и показанія доктора произвели сильное впечатлѣніе въ каютъ-компаніи. Кто-то сказалъ, что необходимо поручить этого бѣдняжку покровительству русскаго консула въ Каптоунъ и сдѣлать въ пользу негра сборъ въ каютъ-компаніи.

Пожалуй, еще большее впечатлѣніе произвела исторія маленькаго негра на матросовъ, когда въ тотъ же день подъ вечеръ молодой вѣстовой мичмана, Артемій Мухинъ—или, какъ всѣ его звали, Артюшка—передавалъ на бакѣ разсказъ мичмана,

при чемъ не отказалъ себѣ въ нѣкоторомъ зло-
радномъ удовольствіи украсить рассказъ нѣкото-
рыми прибавленіями, свидѣтельствующими о томъ,
какой былъ дьяволъ этотъ американецъ—капитанъ.

— Каждый день, братцы, онъ мучилъ арап-
чонка. Чуть что, сейчасъ въ зубы: разъ, другой,
третій да въ кровь, а затѣмъ сниметъ съ крюч-
ка плетку, а плетка, братцы, отчаянная, изъ самой
толстой ремешки—и давай лупцовать арапчонка!
—говорилъ Артюшка, вдохновляясь собственной
фантазіей, вызванною желаніемъ представить жизнь
арапчонка въ самомъ ужасномъ видѣ.—Не разби-
ралъ, анаѶема, что передъ имъ безотвѣтный маль-
чонка, хоть и негра... У бѣдняги и посейчасъ вся
спина исполосована... Докторъ говоритъ: страсть
поглядѣть!—добавилъ впечатлительный и увлекав-
шійся Артюшка.

Но матросы и безъ Артюшкиныхъ прикра-
жалѣли арапчонка и посылали по адресу амери-
канскаго капитана самыя недобрыя пожеланія,
если только этого дьявола ужъ не сожрали акулы.

— Не бойсь, у насъ ужъ объявили волю
хрестьянамъ, а у этихъ мериканцевъ, значить,
крѣпостные есть?—спросилъ какой-то пожилой
матросъ.

— То-то есть!

— Чудно что-то... Вольный народъ, а поди
жъ ты!—протянулъ пожилой матросъ.

— У ихъ арапы бытто въ родѣ крѣпост-
ныхъ!—объяснилъ Артюшка, слыхавшій кое-что
объ этомъ въ каютъ-компаніи.—Изъ этого самого

у ихъ промежъ себя и война идетъ *). Одни мериканцы, значить, хотять, чтобы все арапы, что живутъ у ихъ, были вольные, а другіе на это никакъ не согласны—это тѣ, которые имѣютъ крѣпостныхъ араповъ—ну, и жарять другъ дружку, страсть!.. Только господа сказывали, что которые мериканцы за араповъ стоятъ, тѣ одолѣютъ! Начисто раздѣлаютъ помѣщиковъ мериканскихъ!—не безъ удовольствія прибавилъ Артюшка.

— Не бойсь, Господь имъ поможетъ... И арапу на волѣ жить хочется.. И птица клѣтки не любить, а человекъ и подавно!—вставилъ плотникъ Захарычъ. *Мам*

Чернявый молодой матросикъ—первогодокъ, тотъ самый, который находилъ, что флотская служба очень „опаская“, съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ разговоръ и, наконецъ, спросилъ:

— Теперь, значить, Артюшка, этотъ самый арапчонокъ вольный будетъ?

— А ты думалъ какъ? Извѣстно, вольный?—рѣшительно проговорилъ Артюшка, хотя въ душѣ и не вполне былъ увѣренъ въ свободѣ арапчонка, не имѣя рѣшительно никакихъ понятій объ американскихъ законахъ на счетъ правъ собственности.

Но его собственныя соображенія рѣшительно говорили за свободу мальчика. „Чорта хозяина“ нѣтъ, къ рыбамъ въ гости пошелъ, такъ какой тутъ разговоръ!

*) Разсказъ относится ко времени междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ.

И онъ прибавилъ:

— Теперь арапчонку только новый пачпортъ выправить на Надежномъ мысу. Получи пачпортъ, и айда на всѣ четыре стороны!

Эта комбинація съ паспортомъ окончательно разсѣяла его сомнѣнія.

— То-то и есть!—радостно воскликнулъ чернявый матросикъ—первогодокъ.

И на его добродушномъ, румяномъ лицѣ съ добрыми, какъ у щенка, глазами, засвѣтилась тихая свѣтлая улыбка, выдававшая радость за маленькаго несчастнаго негра.

Короткія сумерки быстро смѣнились чудною, ласковою тропическою ночью. Небо зажглось мириадами звѣздъ, ярко мигающихъ съ бархатной выси. Океанъ потемнѣлъ вдаль, сіяя фосфорическимъ блескомъ у бортовъ клипера и за кормою.

Скоро просвистали на молитву, и затѣмъ подвахтенные, взявши койки, улеглись спать на палубѣ.

А вахтенные матросы коротали вахту, притулившись у снастей, и лясничали вполголоса, словно бы боясь потревожить тишину этой волшебной тропической ночи. Въ эту ночь во многихъ кучкахъ говорили объ „арапчонкѣ“.

V.

Черезъ два дня докторъ, по обыкновенію, пришелъ въ лазаретъ въ семь часовъ утра и, обследовавъ своего единственнаго пациента, нашелъ, что онъ поправился, можетъ встать, выйти на-

верхъ и ѣсть матросскую пищу. Объявилъ онъ объ этомъ маленькому негру больше знаками, которые были на этотъ разъ быстро поняты поправившимся и повеселѣвшимъ мальчикомъ, казалось, уже забывшимъ недавнюю близость смерти. Онъ быстро вскочилъ съ койки, обнаруживая намѣреніе итти наверхъ погрѣться на солнышкѣ, въ длинной матросской рубахѣ, которая сидѣла на немъ въ видѣ длиннаго мѣшка, но веселый смѣхъ доктора и хихиканье фельдшера, при видѣ черненькаго человѣка въ такомъ костюмѣ, нѣскольکو смутили негра, и онъ стоялъ среди каюты, не зная, что ему предпринять, и не вполне понимая, къ чему докторъ дергаетъ его рубаху, продолжая смѣяться.

Тогда негръ быстро ее снялъ и хотѣлъ было юркнуть въ двери нагишомъ, но фельдшеръ удержалъ его за руку, а докторъ, не переставая смѣяться, повторялъ:

— Но, но, но...

И вслѣдъ за тѣмъ знаками приказалъ негру одѣть свою рубашку—мѣшокъ.

— Во что бы одѣть его, Филипповъ?—озабоченно спрашивалъ докторъ щеголеватаго, курчаваго фельдшера, человѣка лѣтъ тридцати.—Объ этомъ-то мы съ тобой, братецъ, и не подумали...

— Точно-такъ, вашескобродіе, объ этомъ мечтанія не было. А ежели теперь обрѣзать ему, значить, рубаху примѣрно до колѣнъ, вашескобродіе, да, съ позволенія сказать, перехватить талію ремнемъ, то будетъ даже довольно „обоудно“, вашескобродіе,—заклучилъ фельдшеръ, имѣвшій

несчастную страсть употреблять некстати слова, когда онъ хотѣлъ выразиться покудрявѣе или, какъ матросы говорили, „позанозистѣе“.

— То есть „обоюдно“?—улыбнулся докторъ.

— Да такъ-съ... обоюдно. Кажется, всѣмъ извѣстно, что обозначаетъ: „обоюдно“, вашескобродіе!—Обиженно проговорилъ фельдшеръ.—Удобно и хорошо значить.

— Едва ли будетъ „обоюдно“, какъ ты говоришь. Одинъ смѣхъ будетъ, вотъ что, братецъ. А, впрочемъ, надо же какъ-нибудь одѣть мальчика, пока я не попрошу у капитана разрѣшенія сшить мальчику платье по мѣркѣ.

— Очень даже возможно хорошій костюмъ сшить... На клиперѣ есть матросы по портной части. Сошьютъ.

— Такъ устраивай свой обоюдный костюмъ!

Но въ эту минуту въ двери лазаретной каюты раздался осторожный почтительный стукъ.

— Кто тамъ? Входи!—крикнулъ докторъ.

Въ дверяхъ показалось сперва красноватое, нѣсколько припухлое, неказистое лицо, обрамленное русыми баками, съ подозрительнаго цвѣта носомъ и воспаленными, живыми и добрыми глазами, а вслѣдъ за тѣмъ и вся небольшая, сухошавая, довольно ладная и крѣпкая фигура формарсоваго Ивана Лучкина.

Это былъ пожилой матросъ, лѣтъ сорока, прослужившій во флотѣ пятнадцать лѣтъ и бывшій на клиперѣ однимъ изъ лучшихъ матросовъ и отчаянныхъ пьяницъ, когда попадалъ на берегъ. Случалось, онъ на берегу пропивалъ все свое

платье и являлся на клиперъ въ одномъ бѣлѣ ожидая на слѣдующее утро наказанія съ самымъ, казалось, беззаботнымъ видомъ.

— Это я, вашескобродіе,—проговорилъ Лучкинъ сиповатымъ голосомъ, перестуная большими ступнями босыхъ жилистыхъ ногъ и теребя засмоленной, шершавой рукой обтянутую штанину.

Въ другой рукѣ у него былъ узелокъ.

Онъ глядѣлъ на доктора съ тѣмъ застѣнчиво-виноватымъ выраженіемъ и въ лицѣ, и въ глазахъ, которое часто бываетъ у пьяницъ и вообще у людей, знающихъ за собой порочныя слабости.

— Что тебѣ, Лучкинъ... Заболѣлъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе, — я вотъ платье арапчонку принесъ... Думаю: голый, такъ спилъ и мѣрку еще раньше снялъ, Дозвольте отдать, вашескобродіе.

— Отдавай, братецъ... Очень радъ,—говорилъ докторъ, нѣсколько изумленный.—Мы вотъ думали, во что бы одѣть мальчика, а ты раньше насъ подумалъ о немъ.

— Способное время было, вашескобродіе,—какъ бы извинялся Лучкинъ.

И съ этими словами онъ вынулъ изъ ситцеваго платка маленькую матросскую рубаху и такіе же штаны, сшитые изъ холста, встряхнулъ ихъ и, подавая ошалѣвшему мальчику, весело и уже совсѣмъ не виноватымъ тономъ, какимъ говорилъ съ докторомъ, сказалъ, ласково глядя на негра:

— Получай, Максимка! Одежа самая, братецъ ты мой, вери гуть! Одѣвай да носи на

здоровье, а я посмотрю, какъ сидить... Вали, Максимка.

— Отчего ты его Максимкой зовешь?—разсмѣялся докторъ.

— А какъ же, вашескобродіе. Максимка и есть, потому какъ его въ день святаго угодника Максима спасли, онъ и выходитъ Максимка... Опять же имени у арапчонка нѣтъ, а надо же его какъ-нибудь звать.

Радости мальчика не было предѣловъ, когда онъ облачился въ новую, чистую пару. Видимо, такого платья онъ никогда не носилъ.

Лучкинъ осмотрѣлъ свое издѣліе со всѣхъ сторонъ, обдергалъ и пригладилъ рубаху и нашелъ, что платье во всемъ акуратъ.

— Ну, теперь валимъ наверхъ, Максимка... Погрѣйся на солнышкѣ!—Дозвольте, вашескобродіе.

Докторъ, сіяя добродушной улыбкой, кивнулъ головой, и матросъ, взявъ за руку негра, повелъ его на бакъ и, показывая его матросамъ, проговорилъ:

— Вотъ онъ и Максимка! Не бойсь, теперь забудетъ идола-мериканца, знаетъ, что россійскіе матросы его не забудятъ.

И онъ любовно трепалъ мальчика по плечу и, показывая на его курчавую голову, сказалъ:

— Ужо, братъ, и шапку справимъ... И башмаки будутъ, дай сроки!

Мальчикъ ничего не понималъ, но чувствовалъ по всѣмъ этимъ загорѣлымъ лицамъ матросовъ, по ихъ улыбкамъ, полнымъ участія, что его не обидятъ.

И онъ весело скалилъ свои ослѣпительно бѣлые зубы, нѣжась подъ горячими лучами родного ему южнаго солнца.

Съ этого дня всѣ стали его звать Максимкой.

VI.

Представивъ матросамъ на бакѣ маленькаго, одѣтаго по-матросски негра, Иванъ Лучкинъ тотчасъ же объявилъ, что будетъ „доглядывать“ за Максимкой и что беретъ его подъ свое особое покровительство, считая, что это право принадлежитъ исключительно ему, уже въ силу того, что онъ „обрядилъ мальчонка“ и далъ ему, какъ онъ выразился, „форменное прозвище“.

О томъ, что этотъ заморенный, худой маленькій негръ, испытавшій на зарѣ своей жизни столько горя у капитана-американца, возбудилъ необыкновенную жалость въ сердцѣ одинокаго, какъ перстъ, матроса, жизнь котораго, особенно прежде, тоже была не изъ сладкихъ, и вызвалъ желаніе сдѣлать для него возможно пріятными дни пребыванія на клиперѣ,—о томъ Лучкинъ не проронилъ ни слова. По обыкновенію русскихъ простыхъ людей онъ стыдился передъ другими обнаруживать свои чувства и, вѣроятно, поэтому объяснилъ матросамъ желаніе „доглядывать“ за Максимкой исключительно тѣмъ, что „арапчонокъ занятный, вродѣ облизьяны, братцы“.

Однако, на всякій случай, довольно рѣшительно заявилъ, бросая внушительный взглядъ на матроса Петрова, извѣстнаго задиру, любившаго

обижать безотвѣтныхъ и робкихъ „первогодковъ“ матросовъ, — что если найдется такой, „прямо сказать подлецъ“, который забидитъ „сироту“, то будетъ имѣть дѣло съ нимъ, съ Иваномъ Лучкинымъ.

— Не бойсь, искровяню морду въ^е самомъ лучшемъ видѣ! — прибавилъ онъ, словно-бы въ поясненіе того, что значить имѣть съ нимъ дѣло. — Забидать дите — самый большой грѣхъ... Какое ни на есть оно: хрещеное или арапское, а все дите... И ты его не забидь! — заключилъ Лучкинъ.

Всѣ матросы охотно признали заявленные Лучкинымъ права на Максимку, хотя многіе и скептически отнеслись къ рачительному исполненію принятой имъ добровольно на себя хлопотливой обязанности.

Гдѣ, молъ, такому „отчаянному матрознѣ“ и забулдыгѣ-пьяницѣ возиться съ арапчонкомъ?

И кто-то изъ старыхъ матросовъ не безъ насмѣшки спросилъ:

— Такъ ты, Лучкинъ, значить, вродѣ бытто няньки будешь у Максимки?

— То-то, за няньку! — отвѣчалъ съ добродушнымъ смѣхомъ Лучкинъ, не обращая вниманія на ироническія усмѣшки и улыбки... — Нешто я въ няньки не гожусь, братцы? Не къ барчуку вѣдь!.. Тоже и этого черномазаго надо обрядить... другую смѣну одежи сшить, да башмаки, да шапку справить... Дохтуръ исхлопочетъ, чтобы, значить, товаръ казенный выдали... Пущай Максимка добромъ вспомнить російскихъ матросиковъ, какъ

оставять его безпризорнаго на Надежномъ мысу. По крайности, не голый будетъ ходить.

— Да какъ же ты, Лучкинъ, будешь лопотать съ эстимъ самымъ арапчонкомъ? Ни ты его, ни онъ тебя!..

— Не бойсь, договоримся! Еще какъ будемъ-то говорить!—съ какою-то непостижимой увѣренностью произнесъ Лучкинъ. — Онъ даромъ, что арапскаго званія, а понятливый... я его, братцы, скоро по нашему выучу... Онъ пойметъ...

И Лучкинъ ласково взглянулъ на маленькаго негра, который, притулившись къ борту, любопытно озирался вокругъ.

И негръ, перехвативъ этотъ, полный любви и ласки, взглядъ матроса, тоже въ отвѣтъ улыбался, оскаливая зубы, широкой благодарной улыбкой, понимая безъ словъ, что этотъ матросъ другъ ему.

Когда въ половинѣ двѣнадцатаго часа были окончены всѣ утреннія работы, и вслѣдъ за тѣмъ вынесли на палубу ендову съ водкой, и оба боцмана и восемь унтеръ-офицеровъ, ставши въ кружокъ, засвистали призывъ къ водкѣ, который матросы не безъ остроумія называютъ „соловьинымъ пѣніемъ“,—Лучкинъ, радостно улыбаясь, показалъ мальчику на свой ротъ, проговорилъ: „сиди тутъ, Максимка!“ и побѣждалъ на шканцы, оставивъ негра въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Недоумѣніе его, впрочемъ, скоро разрѣшилось.

Острый запахъ водки, распространившійся по всей палубѣ, и удовлетворенно-серьезныя лица матросовъ, которые, возвращаясь со шканцевъ,

утирали усы своими засмоленными шаршавыми руками, напомнили маленькому негру о томъ, что и на „Бетси“ разъ въ недѣлю матросамъ давали по стакану рома, и о томъ, что капитанъ пилъ его ежедневно и, какъ казалось мальчику, больше, чѣмъ бы слѣдовало.

Лучкинъ, уже вернувшійся къ Максимкѣ и послѣ большой чарки водки бывшій въ благодушномъ настроеніи, весело трепанулъ мальчика по спинѣ и, видимо желавшій подѣлиться съ нимъ пріятными впечатлѣніями, проговорилъ:

— Бонъ водка! Вери гуть шнапсъ, Максимка, я тебѣ скажу.

Максимка сочувственно кивнулъ головой и промолвилъ:

— Вери гуть!

Это быстрое пониманіе привело Лучкина въ восхищеніе, и онъ воскликнулъ:

— Ай да молодецъ, Максимка! Все понимаешь... А теперь валимъ, мальчонка, обѣдать... не бойсь, ѣсть хочешь?

И матросъ довольно наглядно задвигалъ скулами, открывая ротъ.

И это понять было не трудно, особенно, когда мальчикъ увидалъ, какъ снизу одинъ за другимъ выходили матросы-артельщики, имѣя въ рукахъ изрядные деревянные баки (мисы) со шами, отъ которыхъ шелъ вкусный паръ, пріятно щекотавшій обоняніе.

И маленькій негръ довольно краснорѣчиво замахалъ головой, и глаза его блеснули радостью.

— Ишь вѣдь, все понимаетъ! Башковатый!— промолвилъ Лучкинъ, начинавшій уже нѣсколько пристрастно относиться и къ арапчонку, и къ своему умѣнію разговаривать съ нимъ понятно, и, взявъ Максимку за руку, повелъ его.

На палубѣ, прикрытой брезентами, уже разсѣлись, поджавъ ноги, матросы небольшими артелями, человѣкъ по двѣнадцати, вокругъ дымящихся баковъ со щами изъ кислой капусты, запасенной еще изъ Кронштадта, и молча и истово, какъ вообще ѣдятъ пристолоудины, хлебали варево, заѣдая его размоченными сухарями.

Осторожно ступая между обѣдающими, Лучкинъ подошелъ съ Максимкой къ своей артели, расположившейся между гротъ- и фокъ-мачтами, и проговорилъ, обращаясь къ матросамъ, "еще не начинавшимъ, въ ожиданіи Лучкина, обѣдать:

— А что, братцы, примите въ артель Максимку?

— Чего спрашивать зря? Садись съ арапчонкомъ!—проговорилъ старый плотникъ Захарычъ.

— Можетъ, другіе, которые... Сказывай, ребята!— снова спросилъ Лучкинъ.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что пусть арапчонокъ будетъ въ ихъ артели, и потѣснились, чтобы дать имъ обоимъ мѣсто.

И со всѣхъ сторонъ раздались шутливые голоса.

— Не бойсь, не объѣсть твой Максимка!

— И всю солонину не съѣсть!

— Ему и ложка припасена, твоему арапчонку.

— Да я, братцы, по той причинѣ, что онъ негра... некрещеный значить,—промолвилъ Лучкинъ, присѣвши къ баку и усадивши около себя

Максимку,—но только я полагаю, что у Бога всѣ равны... Всѣмъ хлѣбушка ѣсть хочется...

— А то какъ же? Господь на землѣ всѣхъ терпитъ... Не бойсь, не разбираетъ. Это вотъ развѣ который дуракъ, какъ вѣстовщина Сойкинъ, мелеть безо всякаго разсудка объ нехристяхъ!—снова промолвилъ Захарычъ.

Всѣ видимо раздѣляли мнѣніе Захарыча. Не даромъ же русскіе матросы съ замѣчательной терпимостью относятся къ людямъ всѣхъ расъ и исповѣданій, съ какими приходится имъ встрѣчаться.

Артель отнеслась къ Максимкѣ съ полнымъ радушіемъ. Одинъ далъ ему деревянную ложку, другой придвинулъ размоченный сухарь, и всѣ глядѣли ласково на затихшаго мальчика, видимо не привыкшаго къ особенному вниманію со стороны людей бѣлой кожи, и словно бы приглашали его этими взглядами не робѣть.

— Однако, и начинать пора, а то щи застынутъ! —замѣтилъ Захарычъ.

Всѣ перекрестились и начали хлебать щи.

— Ты что же не ѣшь, Максимка, а? Ышь, глупый! Шти, братецъ, скусные. Гуть щи!—говорилъ Лучкинъ, показывая на ложку.

Но маленькій негръ, котораго на бригѣ никогда не допускали ѣсть вмѣстѣ съ бѣлыми, и который питался объѣдками одинъ, гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, робѣлъ, хотя и жадными глазами посматривалъ на щи, глотая слюну.

— Эка пужливый какой! Видно, застрашалъ арапчонка этотъ самый дьяволъ-мѣриканецъ!—

промолвить Захарычъ, сидѣвшій рядомъ съ Максимкой.

И съ этими словами старый плотникъ погладилъ курчавую голову Максимки и поднесъ къ его рту свою ложку...

Послѣ этого Максимка пересталъ бояться и черезъ нѣсколько минутъ уже усердно уписывалъ и щи, и накрошенную потомъ солонину, и пшенную кашу съ масломъ.

А Лучкинъ то и дѣло его похваливалъ и повторялъ:

— Вотъ это бонъ, Максимка. Вери гуть, братецъ ты мой. Кушай себѣ на здоровье!

VII.

По всему клиперу раздается храпъ отдыхающихъ послѣ обѣда матросовъ. Только отдѣленіе вахтенныхъ не спитъ, да кто-нибудь изъ хозяйственныхъ матросовъ, воспользовавшись временемъ, тачаетъ себѣ сапоги, шьетъ рубаху или чинитъ какую-нибудь принадлежность своего костюма.

А „Забіяка“ идетъ да идетъ себѣ съ благодатнымъ пассатомъ, и вахтеннымъ рѣшительно нечего дѣлать, пока не набѣжитъ грозовое облачко и не заставитъ моряковъ на время убрать всѣ паруса, чтобы встрѣтить тропическій шкваль съ проливнымъ дождемъ готовыми, то-есть съ оголенными мачтами, предоставляя его ярости меньшую площадь сопротивленія.

Но горизонтъ чистъ. Ни съ одной стороны не видно этого маленькаго сѣраго пятнышка, кото-

рое, быстро выростая, несется громадной тучей, застилающей горизонтъ и солнце. Страшный порывъ валить судно на бокъ, страшный ливень стучить по палубѣ, промачиваетъ до костей, и шкваль такъ же быстро проносится далѣе, какъ и появляется. Онъ нашумѣлъ, облилъ дождемъ и исчезъ.

И снова ослѣпительное солнце, лучи котораго быстро сушатъ и палубу, и снасти, и паруса, и матросскія рубахи, и снова безоблачное голубое небо, и ласковый океанъ, по которому бѣжитъ, снова одѣвшись всѣми парусами, судно, подгоняемое ровнымъ пассатомъ.

Благодать кругомъ и теперь. Тишина и на клиперѣ. „Команда отдыхаетъ“, и въ это время нельзя безъ особой крайности беспокоить матросовъ — такой давно установившійся обычай на судахъ.

Притулившись въ тѣни у фокъ-мачты, не спитъ сегодня и Лучкинъ, къ удивленію вахтенныхъ, знавшихъ, что Лучкинъ „здоровъ спать“.

Мурлыкая себѣ подъ носъ пѣсенку, слова которой не разобрать, Лучкинъ кроилъ изъ куска парусины башмаки и по временамъ взглядывалъ на растянувагося около него, сладко спавшаго Максимку и на его ноги, чернѣющіяся изъ-за бѣлыхъ штанинъ, словно бы соображая, правильна ли мѣрка, которую онъ снялъ съ этихъ ногъ тотчасъ же послѣ обѣда.

Повидимому, наблюденія вполне успокаиваютъ матроса, и онъ продолжаетъ работу, не обращая больше вниманія на маленькія черныя ноги.

И что-то радостное и теплое охватываетъ душу

этого безшабашнаго пропойцы при мысли о томъ, что онъ сдѣлаетъ „на первой сортъ“ башмаки этому бѣдному безпризорному мальчишкѣ и справитъ ему все, что надо. Вслѣдъ за тѣмъ невольно проносится вся его матросская жизнь, воспоминаніе о которой представляетъ довольно однообразную картину: безшабашнаго пьянства и порока за пропитыя казенныя вещи.

И Лучкинъ не безъ основательности заключаетъ, что не будь онъ отчаяннымъ марсовымъ, безстрашіе котораго приводило въ восторгъ всѣхъ капитановъ и старшихъ офицеровъ, съ которыми онъ служилъ, то давно бы ему быть въ арестантскихъ ротахъ.

— За службу жалѣли! — проговорилъ онъ вслухъ и почему-то вздохнулъ и прибавилъ: — то-то она и загвоздка!

Къ какому именно обстоятельству относилась эта „загвоздка“: къ тому ли, что онъ отчаянно пьянствовалъ при сѣздахъ на берегъ и дальше ближайшаго кабака ни въ одномъ городѣ (кроме Кронштадта) не бывалъ, или къ тому, что онъ былъ лихой марсовой и потому только не попробовалъ арестантскихъ ротъ, — рѣшить было трудно. Но несомнѣннымъ было одно: вопросъ о какой-то „загвоздкѣ“ въ его жизни заставилъ Лучкина на нѣсколько минутъ прервать мурлыканье, задуматься и въ концѣ концовъ проговорить вслухъ:

— И хуфайку бы нужно Максимкѣ... А то какой же человекъ безъ хуфайки?

Въ продолженіе часа, полагавшагося на послѣ-

объденный отдыхъ команды, Лучкинъ успѣлъ скроить передки и приготовить подошвы для башмаковъ Максимки. Подошвы были новыя изъ казеннаго товара, пріобрѣтенныя еще утромъ въ долгъ у одного хозяйственнаго матроса, имѣвшаго собственные сапоги, при чемъ „для вѣрности“, по предложенію самого Лучкина, знавшаго, какъ трудно у него держатся деньги, въ особенности на твердой землѣ, уплату долга долженъ былъ произвести боцманъ, удержавъ деньги изъ жалованья.

Когда раздался боцманскій свистокъ и вслѣдъ за тѣмъ команда „горластаго“ боцмана Василя Егоровича или „Егорыча“, какъ звали его матросы, Лучкинъ сталъ будить сладко спавшаго Максимку. Онъ хотъ и пассажиръ, а все же долженъ былъ, по мнѣнію Лучкина, жить по-матросски, какъ слѣдуетъ по росписанію, во избѣжаніе какихъ-либо неприятностей, главнымъ образомъ со стороны Егорыча. Егорычъ хотъ и былъ, по убѣжденію Лучкина, „доберъ“ и дрался не зря, а съ „большимъ разсудкомъ“, а все-таки, подъ сердитую руку, могъ съѣздить по уху и арапчонка за „непорядокъ“. Такъ ужъ лучше и арапчонка къ порядку пріучать.

— Вставай, Максимка!—говорилъ ласковымъ тономъ матросъ, потряхивая за плечо негра.

Тотъ потянулся, открылъ глаза и поглядѣлъ вокругъ. Увидавъ, что всѣ матросы встаютъ, и Лучкинъ собираетъ свою работу, Максимка торопливо вскочилъ на ноги и, какъ покорная собачонка, смотрѣлъ въ глаза Лучкина.

— Да ты не бойся, Максимка... Ишь, глупый... всего боится! А это, братецъ, тебѣ будутъ башмаки.

Хотя негръ рѣшительно не понималъ, что говорилъ ему Лучкинъ, то показывая на его ноги, то на куски скроенной парусины, тѣмъ не менѣе улыбался во весь свой широкій ротъ, чувствуя, вѣроятно, что ему говорятъ что-нибудь хорошее. Довѣрчиво и послушно пошелъ онъ за поманившимъ его Лучкинымъ на кубрикъ *) и тамъ любопытно смотрѣлъ, какъ матросъ уложилъ въ парусинный чемоданчикъ, наполненный бѣльемъ и платьемъ, свою работу, и снова ничего не понималъ и только опять благодарно улыбался, когда Лучкинъ снялъ свою шапку и, показывая пальцомъ то на нее, то на голову маленькаго негра, тщетно старался объяснить и словами и знаками, что и у Максимки будетъ такая же шапка съ бѣлымъ чахломъ и лентой.

Но за то негръ чувствовалъ всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ расположеніе этихъ бѣлыхъ людей говорившихъ совсѣмъ не на томъ языкѣ, на которомъ говорили бѣлые люди на „Бетси“, и особенно доброту этого матроса съ краснымъ носомъ, напоминавшимъ ему стручковый перецъ, и съ волосами, похожими цвѣтомъ на паклю,—который подарилъ ему такое чудное платье, такъ хорошо угостилъ его вкусными яствами и такъ ласково смотреть на него, такъ ласково, какъ никто не глядѣлъ на него во всю жизнь,

*) Кубрикъ—матросское помѣщеніе подъ палубой, въ носу судна.

кромѣ пары чьихъ-то большихъ черныхъ на выкатѣ глазъ на женскомъ чернокожемъ лицѣ.

Эти глаза, добрые и нѣжные, жили въ его памяти какъ далекое смутное воспоминаніе, нераздѣльное съ представленіемъ шалашей, крытыхъ бананами, и высокихъ пальмъ. Были ли это грезы или впечатлѣнія дѣтства—онъ, конечно, не могъ бы объяснить; но эти глаза, случилось, жалѣли его во снѣ. И теперь онъ увидалъ и на яву добрые, ласковые глаза.

Да и вообще эти дни пребыванія на клиперѣ казались ему тѣми хорошими грезами, которые являлись только во снѣ,—до того они не похожи были на недавніе, полные страданій и постоянного страха.

Когда Лучкинъ, бросивъ объясненія насчетъ шапки, досталъ изъ чемоданчика кусокъ сахара и далъ его Максимкѣ, мальчикъ былъ окончательно подавленъ. Онъ схватилъ мозолистую, шаршавую руку матроса и сталъ ее робко и нѣжно гладить, заглядывать въ лицо Лучкина съ трогательнымъ выраженіемъ благодарности забитаго существа, согрѣтаго лаской. Эта благодарность свѣтилась и въ глазахъ, и въ лицѣ... Она слышалась и въ дрогнувшихъ гортанныхъ звукахъ нѣсколькихъ словъ, порывисто и горячо произнесенныхъ мальчикомъ на своемъ родномъ языкѣ передъ тѣмъ, какъ онъ засунулъ сахаръ въ ротъ.

— Ишь вѣдь, ласковый! Видно, не зналъ добраго слова, горемычный!—промолвилъ матросъ съ величайшею нѣжностью, которую только могъ выразить его сиповатый голосъ, и потрепалъ

Максимку по шекѣ.— Ъшь сахаръ-то. Скусный! прибавилъ онъ.

И здѣсь, въ этомъ темномъ уголкѣ кубрика, послѣ обмѣна признаній, закрѣпилась, такъ сказать, взаимная дружба матроса съ маленькимъ негромъ. Оба, казалось, были вполне довольны другъ другомъ.

— Безпремѣнно надо выучить тебя, Максимка, по нашему, а то и не разобрать, что ты лопочешь, черномазый! Однако, валимъ на верхъ! Сейчасъ артиллеринское ученье. Поглядишь!

Они вышли на верхъ. Скоро барабанщикъ пробилъ артиллерійскую тревогу, и Максимка, прислонившись къ мачтѣ, чтобъ не быть сбитымъ съ ногъ, сперва испугался при видѣ бѣгущихъ стремглавъ къ орудіямъ матросовъ, но потомъ скоро успокоился и восхищенными глазами смотрѣлъ, какъ матросы откатывали большія орудія, быстро совали въ нихъ банники и, снова выдвигая орудія за бортъ, недвижно замирали около нихъ. Мальчикъ ждалъ, что будутъ стрѣлять, и недоумѣвалъ, въ кого это хотятъ стрѣлять, такъ какъ на горизонтѣ не было ни одного нсуда. А онъ уже былъ знакомъ съ выстрѣлами и даже видѣлъ, какъ близко шлепнулась какая-то штука за кормою „Бетси“, когда она, спустившись по вѣтру, удирала во всѣ лопатки отъ какого-то трехмачтового судна, которое гналось за шкуной, наполненной грузомъ негровъ. Мальчикъ видѣлъ испуганныя лица у всѣхъ на „Бетси“ и слышалъ, какъ ругался капитанъ, пока трехмачтовое судно не стало значительно отставать. Онъ не зналъ, ко-

нечно, что это былъ одинъ изъ военныхъ англійскихъ крейсеровъ, назначенный для ловли негропромышленниковъ, и тоже радовался, что шкуна убѣжала, и такимъ образомъ его мучитель-капитанъ не былъ пойманъ и не вздернутъ на нокаре за позорную торговлю людьми *).

Но выстрѣловъ не было, и Максимка такъ ихъ и не дождался. За то съ восхищеніемъ слушалъ барабанную дробь и не спускалъ глазъ съ Лучкина, который стоялъ у бакового орудія комендоромъ и часто нагибался, чтобы прицѣливаться.

Зрѣлище ученья очень понравилось Максимкѣ, но не менѣе понравился ему и чай, которымъ послѣ ученья угостилъ его Лучкинъ. Сперва Максимка только диву давался, глядя, какъ всѣ матросы дуютъ горячую воду изъ кружекъ, закусывая сахаромъ и обливаясь потомъ. Но когда Лучкинъ далъ и ему кружку и сахару, Максимка вошелъ во вкусъ и выпилъ двѣ кружки.

Что же касается перваго урока русскаго языка, начатаго Лучкинымъ въ тотъ же день, передъ вечеромъ, когда начала спадать жара и когда, по словамъ матроса, было „легче войти въ понятіе“, то начало его—признаться—не предвѣщало осо-

*) Въ прежнее время, когда особенно процвѣтала торговля неграми, состоялась международная конвенція между всѣми почти государствами Европы о противодѣйствіи этому злу. Въ силу этой конвенции, Франція и Англія посылали къ берегамъ Африки и Америки военные крейсера для ловли негропромышленниковъ. Съ пойманными расправлялись строго. Капитана и помощника его вѣшали, а матросовъ отправляли въ каторжныя работы. Негровъ объявляли свободными, а пойманные суда дѣлались призомъ поймавшихъ.

бенныхъ успѣховъ и вызывало не мало-таки насмѣшекъ среди матросовъ, при видѣ тщетныхъ усилій Лучкина объяснить ученику, что его зовутъ Максимкой, а что учителя зовутъ Лучкинымъ.

Однако Лучкинъ, хотя и не былъ никогда педагогомъ, тѣмъ не менѣе обнаружилъ такое терпѣніе, такую выдержку и мягкость въ стремленіи во что бы то ни стало заложить, такъ сказать, первое основаніе обученія,—каковымъ онъ считалъ знаніе имени,—что имъ могли бы позавидовать патентованные падагоги, которымъ, вдобавокъ, едва ли приходилось преодолевать трудности, представившіяся матросу.

Придумывая болѣе или менѣе остроумные способы для достиженія заданной себѣ цѣли, Лучкинъ тотчасъ же приводилъ ихъ и въ исполненіе.

Онъ тыкалъ въ грудь маленькаго негра и говорилъ: „Максимка“, затѣмъ показывалъ на себя и говорилъ: „Лучкинъ“. Продѣлавъ это нѣсколько разъ и не достигнувъ удовлетворительнаго результата, Лучкинъ отходилъ на нѣсколько шаговъ и вскрикивалъ: „Максимка!“ Мальчикъ скалилъ зубы, но не усвоивалъ и этого метода. Тогда Лучкинъ придумалъ новую комбинацію. Онъ попросилъ одного матроса крикнуть: „Максимка!“ и когда матросъ крикнулъ, Лучкинъ не безъ нѣкотораго довольства человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ, указалъ пальцемъ на Максимку и даже для убѣдительности осторожно затѣмъ встряхнулъ его за шиворотъ. Увы! Максимка весело смѣялся, но очевидно понялъ встряхиваніе за приглашеніе потанцевать, потому что тотчасъ же вскочилъ на

ноги и сталъ отплясывать, къ общему удовольствію собравшейся кучки матросовъ и самого Лучкина.

Когда танецъ былъ окончень, маленькій негръ отлично понялъ, что пляской его остались довольны, потому что многіе матросы трепали его по плечу и по спинѣ, и по головѣ, и говорили, весело смѣясь:

— Гутъ, Максимка! Молодца, Максимка!

Трудно сказать, насколько бы увѣнчались успѣхомъ дальнѣйшія попытки Лучкина познакомить Максимку съ его именемъ,—попытки, къ которымъ Лучкинъ хотѣлъ было вновь приступить, но появленіе на бакѣ мичмана, говорящаго по-англійски, значительно упростило дѣло. Онъ объяснилъ мальчику, что онъ не „бой“, а Максимка, и кстати сказалъ, что Максимкина друга зовутъ Лучкинъ.

— Теперь, братъ, онъ знаетъ, какъ ты его прозвалъ!—проговорилъ, обращаясь къ Лучкину, мичманъ.

— Премного благодаренъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ обрадованный Лучкинъ и прибавилъ:— а то я, ваше благородіе, долго бился... Мальчонка башковатый, а никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ его зовутъ.

— Теперь знаетъ... Ну-ка, спроси?

— Максимка!

Маленькій негръ указалъ на себя.

— Вотъ такъ ловко, ваше благородіе... Лучкинъ!—снова обратился матросъ къ мальчику.

Мальчикъ указалъ пальцемъ на матроса.

И оба они весело смѣялись. Смѣялись и матросы и замѣчали:

— Арапчонокъ въ науку входить...

Дальнѣйшій урокъ пошелъ, какъ по маслу. Лучкинъ указывалъ на разные предметы и называлъ ихъ, при чемъ, при малѣйшей возможности исковеркать слово, коверкалъ его, говоря вмѣсто рубаха—„рубахъ“, мѣсто мачта—„мачтъ“, увѣренный, что при такомъ измѣненіи словъ они болѣе похожи на иностранныя и легче могутъ быть усвоены Максимкой.

Когда просвистали ужинать, Максимка уже могъ повторять за Лучкинымъ нѣсколько русскихъ словъ.

— Ай да Лучкинъ. Живо обучилъ арапчонка. Того и гляди, до Надежнаго Мыса понимать станетъ по нашему!—говорили матросы.

— Еще какъ пойметъ-то! До Надежнаго ходу никакъ не меньше двадцати день... А Максимка понятливый!

При словѣ „Максимка“, мальчикъ взглянулъ на Лучкина.

— Ишь, твердо знаетъ свою кличку!.. Садись, братецъ, ужинать будемъ!

Когда, послѣ молитвы, роздали койки, Лучкинъ уложилъ Максимку около себя на палубѣ. Максимка, счастливый и благодарный, пріятно потягивался на матросскомъ тюфячкѣ, съ подушкой подъ головой, и подъ одѣяломъ—все это Лучкинъ исхлопоталъ у подшкипера, отпущившаго арапчонку койку со всѣми принадлежностями.

— Спи, спи, „Максимка“! Завтра рано вставать!

Но Максимка и безъ того уже засыпалъ, проговоривъ довольно недурно для перваго урока: „Максимка“ и „Лючики“, какъ передѣлалъ онъ фамилію своего пѣстуна.

Матросъ перекрестилъ маленькаго негра и скоро уже храпѣлъ во всю ивановскую.

Съ полуночи онъ всталъ на вахту и вмѣстѣ съ форъ-марсовымъ Леонтьевымъ полѣзъ на форъ-марсъ.

Тамъ они присѣли, осмотрѣвъ предварительно все ли въ порядкѣ, и стали „лясничать“, чтобы не одолѣвала дрема. Говорили о Кронштадтѣ, вспоминали командировъ... и смолкли.

Вдругъ Лучкинъ спросилъ:

— И никогда ты, Леонтьевъ, этой самой водкой не занимался?

Тверезый, степенный и исправный Леонтьевъ, уважавшій Лучкина, какъ знающаго форъ-марсваго, работавшаго на нокъ *) и нѣсколько презиравшій въ то же время его за пьянство, — категорически отвѣтилъ:

— Ни въ жисть!

— Вовсе, значить, не касался.

— Развѣ когда стаканчикъ въ праздникъ.

— То-то ты и чарки своей не пьешь, а деньги за чарки забираешь?

— Деньги-то, братецъ, нужныѣ... Вернемся въ

*) Нокъ—оконечность реи.

Россію, ежели выйдетъ отставка, при деньгахъ ты завсегда обернешься...

— Это что и говорить...

— Да ты къ чему это, Лучкинъ, на счетъ водки?

— А къ тому, что ты, Леонтьевъ, задачливый матросъ...

Лучкинъ помолчалъ и затѣмъ опять спросилъ:

— Сказываютъ: заговорить можно отъ пьянства?

— Заговариваютъ люди, это вѣрно... На „Копчикъ“ одного матроса заговорилъ унтерцеръ... Слово такое зналъ... И у насъ есть такой человѣкъ...

— Кто?

— А плотникъ Захарычъ... Только онъ въ секретъ держитъ. Не всякаго уважитъ. А ты нешто хочешь бросить пьянство, Лучкинъ?— насмѣшливо промолвилъ Леонтьевъ.

— Бросить не бросить, а чтобы, значить, безъ пропою вещей...

— Попробуй пить съ разсудкомъ...

— Пробовалъ. Ничего не выходитъ, братецъ ты мой. Какъ дорвусь до винища и пропасть. Такая моя линія!

— Разсудку въ тебѣ нѣтъ настоящаго, а не линія!—внушительно замѣтилъ Леонтьевъ...—Каждый человѣкъ долженъ себя понимать... А ты все-таки поговори съ Захарычемъ. Можетъ, и не откажетъ... Только врядъ ли тебя заговорить!—прибавилъ насмѣшливо Леонтьевъ.

— То-то и я такъ полагаю! Не заговорить!—
вымолвилъ Лучкинъ, и самъ почему-то усмѣх-
нулся, точно довольный, что его не заговорить.

VIII.

Прошло три недѣли, и хотя „Забіяка“ была недалеко отъ Каптоуна, но попасть въ него не могъ. Свѣжій противный вѣтеръ, дувшій, какъ говорятъ моряки, прямо „въ лобъ“ и по временемъ доходявшій до степени шторма, не позволялъ клиперу приблизиться къ берегу; при этомъ вѣтеръ и волненіе были такъ сильны, что нечего было и думать пробовать итти подъ парами. Даромъ потратили бы уголь.

И, въ ожиданіи переменъ погоды, „Забіяка“ съ зарифленными марселями держался недалеко отъ береговъ, стремительно покачиваясь на океанѣ.

— Такъ прошло дней шесть, семь.

Наконецъ вѣтеръ стихъ. На „Забіякѣ“ развели пары, и скоро, попыхивая дымкомъ изъ своей бѣлой трубы, клиперъ направился къ Каптоуну.

Нечего и говорить, какъ рады были этому моряки.

Но былъ одинъ человекъ на клиперѣ, который не только не радовался, а напротивъ, по мѣрѣ приближенія „Забіяки“ къ порту, становился задумчивѣе и угрюмѣе.

Это былъ Лучкинъ, ожидавшій разлуки съ Максимкой.

За этотъ мѣсяцъ, въ который Лучкинъ, противъ ожиданія матросовъ, не переставалъ пѣствовать Максимку, онъ привязался къ Максимкѣ, да и маленькій негръ въ свою очередь привязался къ матросу. Они отлично понимали другъ друга, такъ какъ и Лучкинъ проявилъ блестятельныя педагогическія способности, и Максимка обнаружилъ достаточную понятливость и могъ объясниться кое-какъ по-русски. Чѣмъ болѣе они узнавали одинъ другого, тѣмъ болѣе дружили. Ужъ у Максимки были двѣ смѣны платья, башмаки, шапка и матросскій ножъ на ремешкѣ. Онъ оказался смышленнымъ и веселымъ мальчикомъ и давно уже сдѣлался фаворитомъ всей команды. Даже и боцманъ Егорычъ, вообще не терпѣвшій никакихъ пассажировъ на суднѣ, какъ людей ничего не дѣлающихъ, относился весьма милостиво къ Максимкѣ, такъ какъ Максимка всегда во время работъ тянулъ вмѣстѣ съ другими снасти и вообще старался чѣмъ-нибудь да помочь другимъ и, такъ сказать, не даромъ ѣсть матросскій паекъ. И по вантамъ взбѣгалъ, какъ обезьяна, и во время шторма не обнаруживалъ ни малѣйшей трусости, однимъ словомъ былъ во всѣхъ статьяхъ „морской мальчонка“.

Необыкновенно добродушный и ласковый, онъ нерѣдко забавлялъ матросовъ своими танцами на бакѣ и родными пѣснями, которыя распѣвалъ звонкимъ голосомъ. Всѣ его за это баловали, а мичманскій вѣстовой Артюшка нерѣдко

нашиваль ему остатки пирожного съ каютъ-компанейскаго стола.

Нечего и прибавлять, что Максимка былъ преданъ Лучкину, какъ собачонка, всегда былъ при немъ и, что называется, смотрѣлъ ему въ глаза. И на марсь къ нему лазилъ, когда Лучкинъ бывалъ тамъ во время вахты, и на носу съ нимъ сидѣлъ на часахъ, и усердно старался выговаривать русскія слова...

Уже обрывистые берега были хорошо видны... „Забіяка“ шелъ полнымъ ходомъ. Къ обѣду должны были встать на якорь въ Каптоунъ.

Не веселый былъ Лучкинъ въ это славное солнечное утро и съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ чистилъ пушку. Около него стоялъ Максимка и тоже подсоблялъ ему.

— Скоро прощай, братъ Максимка!—заговорилъ наконецъ Лучкинъ.

— Зачѣмъ прощай?—удивился Максимка.

— Оставятъ тебя на Надежномъ Мысу... Куда тебя дѣвать?

Мальчикъ, не думавшій о своей будущей судьбѣ и не совсѣмъ понимавшій, что ему говорить Лучкинъ, тѣмъ не менѣе догадался, по угрюмому выраженію лица матроса, что сообщеніе его не изъ радостныхъ, и подвижное лицо его, быстро отражавшее впечатлѣнія, внезапно омрачилось, и онъ сказалъ:

— Мой не понимай Лючика.

— Айда, братъ, съ клипера... На берегу оставлять... Я уйду дальше, а Максимка здѣсь.

И Лучкинъ пантоминами старался пояснить въ чемъ дѣло.

Повидимому, маленькій негръ понялъ. Онъ ухватился за руку Лучкина и молящимъ голосомъ проговорилъ:

— Мой нѣтъ берегъ... Мой здѣсь. Максимка, Лючика, Лючика, Максимка. Мой русска матлосъ... Да, да, да...

И тогда внезапная мысль озарила матроса. И онъ спросилъ:

— Хочешь, Максимка, русска матросъ?

— Да, да,—повторялъ Максимка и изо всѣхъ силъ кивалъ головой.

— То-то бы отлично! И какъ это мнѣ раньше не въ домекъ... Надо поговорить съ ребятами и просить Егорыча... Онъ доложить старшему офицеру...

Черезъ нѣсколько минутъ Лучкинъ на бакѣ говорилъ собравшимся матросамъ:

— Братцы! Максимка желаетъ остаться съ нами. Будемъ просить, чтобы дозволили ему остаться... Пусть плаваетъ на Забіякѣ! Какъ вы объ этомъ полагаете, братцы?

Всѣ матросы выразили живѣйшее одобреніе этому предложенію.

Вслѣдъ за тѣмъ Лучкинъ пошелъ къ боцману и просилъ его доложить о просьбѣ команды старшему офицеру, и прибавилъ:

— Ужъ ты, Егорычъ, уважь, не откажи.. И попроси старшаго офицера... Максимка самъ, молъ, желаетъ... А то куда же бросить безпріютнаго сироту на Надежномъ мысу. И вовсе

онъ пропасть тамъ можетъ, Егорычъ... Жаль мальчонку... Хорошій онъ вѣдь, исправный мальчонка.

— Что жъ, я доложу... Максимка мальчишка аккуратный. Только, какъ капитанъ... Согласится ли арапскаго званія негру оставить на російскомъ кораблѣ... Какъ бы не было въ этомъ загвоздки...

— Никакой не будетъ загвоздки, Егорычъ. Мы Максимку изъ арапскаго званія выведемъ.

— Какъ такъ?

— Окрестимъ въ русскую вѣру, Егорычъ, и будетъ онъ, значить, русскаго званія арапъ.

Эта мысль понравилась Егорычу, и онъ обѣщалъ немедленно доложить старшему офицеру.

Старшій офицеръ выслушалъ докладъ боцмана и замѣтилъ:

— Это, видно, Лучкинъ хлопочетъ?

— Вся команда тоже проситъ за арапчонка, ваше благородіе... А то куда его бросить? Жалѣютъ... А онъ бы у насъ замѣсто юнги былъ, ваше благородіе! Арапчонокъ исправный, осмѣлюсь доложить. И ежели его окрестить, вовсе душу, значить, можно спасти...

Старшій офицеръ обѣщалъ доложить капитану.

Къ подъему флага вышелъ на верхъ капитанъ. Когда старшій офицеръ передалъ ему просьбу команды, капитанъ сперва было отвѣчалъ отказомъ. Но, вспомнивъ, вѣроятно, своихъ дѣтей, тотчасъ же перемѣнилъ рѣшеніе и сказалъ:

— Что жъ, пусть остается. Сдѣлаемъ его юнгой... А вернется въ Кронштадтъ съ нами... что-нибудь для него сдѣлаемъ... Въ самомъ дѣлѣ, за что его бросать, тѣмъ болѣе, что онъ самъ этого не хочетъ!.. Да пусть Лучкинъ остается при немъ дядькой... Пьяница отчаянный этотъ Лучкинъ, а подите... эта привязанность къ мальчику... Мнѣ докторъ говорилъ, какъ онъ одѣлъ негра...

Когда на бакѣ было получено разрѣшеніе оставить Максимку, всѣ матросы чрезвычайно обрадовались. Но больше всѣхъ, конечно, радовались Лучкинъ и Максимка.

Въ часть дня клиперъ бросилъ якорь на Кап-таунскомъ рейдѣ, и на другой день первая вѣхта была отпущена на берегъ. Собрался ѣхать и Лучкинъ съ Максимкой.

— А ты смотри, Лучкинъ, не пропей Максимки-то!—смѣясь замѣтилъ Егорычъ.

Это замѣчаніе, видимо, очень кольнуло Лучкина, и онъ отвѣтилъ:

— Можетъ, изъ-за Максимки и я вовсе тверзый вернусь!

Хотя Лучкинъ и вернулся съ берега мертвецки пьянымъ, но, къ общему удивленію, въ полномъ одѣяніи. Какъ потомъ оказалось, случилось это благодаря Максимкѣ, такъ какъ онъ, замѣтивъ, что его другъ черезчуръ пьетъ, немедленно побѣжалъ въ сосѣдній кабакъ за русскими матросами, и они унесли Лучкина на пристань и положили въ шлюпку, гдѣ около него безотлучно находился Максимка.

Лучкинъ едва вязалъ языкомъ и все повторялъ:

— Гдѣ Максимка? Подай мнѣ Максимку... Я его, братцы, не пропилъ, Максимку... Онъ мнѣ первый другъ... Гдѣ Максимка?

И когда Максимка подошелъ къ Лучкину, тотъ тотчасъ же успокоился и скоро заснулъ.

Черезъ недѣлю „Забіяка“ ушелъ съ мыса Доброй Надежды, и вскорѣ послѣ выхода Максимка былъ не безъ торжественности окрещенъ и вторично названъ Максимкой. Фамилію ему дали по имени клипера „Забіякинъ“.

* * *

Черезъ три года Максимка вернулся на „Забіякъ“ въ Кронштадтъ четырнадцатилѣтнимъ подросткомъ, умѣвшимъ отлично читать и писать по-русски, благодаря мичману „Петенькѣ“, который занимался съ нимъ.

Капитанъ позаботился о немъ и опредѣлилъ его въ школу фельдшерскихъ учениковъ, а вышедшій въ отставку Лучкинъ остался въ Кронштадтѣ, чтобы быть около своего любимца, которому онъ отдалъ всю привязанность своего сердца и ради котораго уже теперь не пропивалъ вещей, а пилъ „съ разсудкомъ“.

Совителъ въ печати и 21 февраля 1903 года поступитъ
въ продажу новое изданіе

ВЯТСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

Н. В. ГОГОЛЬ.

Избранныя сочиненія, въ 2 том. съ 2 портр. автора,
характеристикой его произведеній и 106 художества, рис.

Въ составъ сборника войдутъ слѣдующія произведенія:

Ветеръ пашуторъ близъ Давалыи; Сорочинская ярмарка,
Послѣ погнъ Ивана Нупала; Майская ночь или утопленница;
Полѣванная гранотъ; Ночь подъ Рождество; Страшная мистъ; За-
бавное чело; Какъ похоронили Ивана Ивановича, въ
Иваномъ Николѣевоу.

Въ прилѣжъ Староситъ ие чомѣшники; Тарасъ Бувѣа; Іаѣ,
Челѣа; Казнеа; Зомѣзоръ; Живѣтъа; Мертвѣа душѣ.

Сборникъ будетъ напечатанъ на хорошей бумагѣ, четкимъ
шрифтомъ.

Цена для земскихъ учрежденій и андомствъ, при-
назначивъ свои требованія **НЕ ПОЗДНѢЕ 1 июля**
1903 г. и въ количествѣ не болѣе 25 экз., будетъ назна-
чена 90 коп. въ 1 рубль (безъ скидки), послѣдствѣ
на будетъ поимѣна.

Съ сборника будутъ выпущены отдѣльныя изданія, въ
личными действыми изданіями:

- 1. Газель. Сорочинская ярмарка. Цена 4 к.
- 2. Майская ночь. Цена 4 к.
- 3. Ночь подъ Рождество. Цена 6 к.
- 4. Тарасъ Бувѣа. Цена 10 к.
- 5. Страшная мистъ. Цена 4 к.
- 6. Какъ похоронили Ивана Ивановича. Цена 1 к.

7. Газель. Избранныя сочиненія. Шестидесятъ страницъ. Цена 30
до 35 к. Съ сборника будетъ обѣтъ ие въ количествѣ.

При заказѣ въ количествѣ не болѣе 25 экз. на одинъ экземпляръ
скажемъ скидка въ 10%, при предѣлѣмъ одному
экз. болѣе 100 экз. скидка 25%.

Требованія адресовать въ Вятку, на имя Книжнаго Склада
Губернскаго Земства.